

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

Н. К. ГАСАНОВА

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье изложены некоторые результаты исследования теоретико-методологических оснований культурной политики, принятых в странах либеральной демократии. В историческом ракурсе представлена характеристика практики культурной политики России. Дан анализ теоретических основ культурной политики современной России.

Ключевые слова: теоретико-методологические основания, идеология, культурная политика, мультикультурализм.

UDK 008

N. K. GASANOVA

**CULTURAL POLICY OF PLURINATIONAL STATE:
THEORETICAL ASPECT**

Article presents some results of a study of theoretical and methodological bases of cultural policies adopted in the countries of liberal democracy. In the historical perspective, the characteristic of the practice of cultural policy in Russia. The analysis of the theoretical foundations of the cultural policy of modern Russia.

Key words: teoretiko-methodological grounds, ideology, cultural policy, multiculturalism.

Современный этап развития цивилизации отмечен интенсивно протекающими глобализационными процессами, имеющими особенную специфику, одним из аспектов которой является децентрация, объясняемая как умение видеть ситуацию с разных перспектив. Этот механизм преодоления эгоцентризма формировался длительный период в ходе изменения позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции её с позициями других. Считается, что настоящее время – один из тех критических моментов, когда человеческая мысль претерпевает глубокую трансформацию, а общественная жизнь обретает новые очертания. Многие научные направления заняты переосмыслением проблемы многокомпонентности и многокультурности, разнообразия и различия бытия. Меняется постановка и приоритетность множества вопросов социокультурной жизни, идут дискуссии о содержании самого понятия «культурные различия», рассматриваются последствия размывания границ между различными культурными традициями, выдвигаются проекты создания многополярной модели мира.

Сегодня массовое сознание, которое является единственной реальностью социума, подвергается мощному воздействию неконтролируемых потоков информации. Наряду с традиционными каналами пополнения индивидуального контента, установления деловых контактов, источником профессиональной идентификации для многих становится та или иная социальная сеть (Linkedin, Facebook и др.). Такое положение вещей стало объектом теоретико-методологического исследования в рамках логической и психологической поведенческой системы политического управления социумом. Особенно актуально это для стран, где требуется решать вопросы массовой миграции, управлять культурным разнообразием на уровне государства.

Многослойная социокультурная стратификация общества определяет необходимость в выработке идеологии – систематизированном, теоретически оформленном способе социально-группового мышления, выполняющем интеграционную, мобилизующую и другие функции. Современные идеологии, заимствуя друг у друга ценностные ориентиры, приобретают новую оптику, отходят от одностороннего видения мира, создают конструкт, включающий ряд модулей, из которых составляется мировоззренческий каркас.

Принято выделять три уровня функционирования политической идеологии: теоретико-концептуальный, программно-директивный и поведенческий. В целом ряде стран культурная политика направлена на выполнение этих функций, отражённых в ряде документов: хартиях,

манифестах, декларациях общего характера и др. Структурно они содержат в себе три компонента: объяснение существующей действительности; систему ценностей; представления о целях и тактике их достижения – и выполняют определённые задачи: ориентационную, мобилизационную, интеграционную, амортизационную, когнитивную.

Что же собой представляют документы, которые берутся за основу при проведении культурной политики в странах либеральной демократии?

Хартия подтверждает какие-либо права и вольности. В настоящее время действует Европейская хартия региональных языков, или языков-меньшинств, принятая в Страсбурге 5 ноября 1992 года, и «Хартия Земли» (2000). Большая группа учёных и общественных деятелей Европы и США в 1933 году подписала «Гуманистический Манифест I». В нём признавалось несостоятельным общество, ориентированное на прибыль, и утверждались идеи несотворённости Вселенной, естественного происхождения человека в результате эволюционного процесса, отвергался принцип дуализма души и тела; религия и культура в целом определялись как результат социального развития человечества и его взаимодействия с природой.

В 1973 году появился «Гуманистический Манифест II». Он отражал новую реальность мировой истории: поражение фашизма во Второй мировой войне, создание мирового «социалистического лагеря», раскол мира на две противоборствующие системы, холодная война и гонка вооружений, создание Организации Объединённых Наций, ускоряющийся научно-технический прогресс, развитие демократий и укрепление движений за права человека. Он отстаивает права человека и демократические ценности, осуждает классовые антагонизмы во всех их проявлениях. Затем были утверждены «Декларация светского гуманизма» (1980) и «Декларация взаимной зависимости» (1988), в которых международное гуманистическое движение уточнило и дополнило свою мировоззренческую платформу. Представители этого направления отстаивали тезис о том, что светский гуманизм представляет собой комплекс моральных и научных ценностей, которые не могут быть приравнены к религиозной вере.

Существуют обращения международных организаций XX века к мировой общественности, например, «Гуманистический Манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму». В этом документе отмечается, что природа универсума, с точки зрения современной науки, не даёт какого бы то ни было сверхъестественного или космического подтверждения человеческих ценностей. На наш взгляд, в нём высказана очень важная мысль о том, что глубокие перемены в социокультурной сфере жизни, с точки зрения гуманистического мировоззрения, вызывают необходимость выработки *интегративной* (мультикультурной) оценки современной жизни и перспектив мирового сообщества.

В целом можно сделать вывод о том, что в глобальных политических документах и экспертных исследованиях начинают высказываться мысли, содержащие посыл о необходимости выработки в мировом масштабе такой мировоззренческой позиции, которая имела бы интегральный (или мультикультуральный) характер. А также то, что задача эта в большей степени государственная.

Оригинальная мысль принадлежит и эксперту из Германии В. Малинковичу. Речь идёт, по сути, о мультикультурализме. В. Малинкович полагает, что пределы свободы слова граждан должны теперь определяться не только границами одного конкретного государства. Планета наша стала «уже очень тесной», и теперь нужно учитывать наиболее важные ценности людей, живущих в других странах [1]. Автор понимает при этом, что общечеловеческая солидарность пока не созрела настолько, чтобы парламенты европейских стран были готовы обсуждать такие законопроекты, которые учитывали бы одновременно ценности и чувства миллионов людей во множестве стран. Но полагает, что это задача совсем недалёкого будущего.

Наша эпоха с конца последнего десятилетия прошлого века рассматривается как переходная, именуемая чаще с приставкой *post-*: постмодерн, постиндустриальное общество, постсекулярное общество, двуполярный мир с его непрерывной войной, в том числе и в следствии развала Советского Союза. Постмодернизмом именуют такой этап в развитии общества, когда оно перестаёт опираться на предшествующие культурные формации и развива-

ется, изыскивая некие новые собственные основы. В сфере культуры признаками постмодернизма, не изжитыми во «втором модерне», считаются такие особенности, как востребованность идентификаций, их гибкость и мультисоставность, обусловленные распадом системы профессий, быстрой сменой занятий, появлением «новых религий», восстановлением старых культов и т. п. В искусстве отмечается нивелирование деления на классические и популярные жанры, появление общей для всех рейтинговой системы. В политике по сплочению нации отмечается использование конструктивных инструментов. Имеются в виду игровые идентификации; поддержание тенденции массового высшего образования, несмотря на падение его общего качества и начавшееся расслоение на общее и элитное высшее образование. Сюда же относится интеграция государственных экономик, всякие символичные экономики высших порядков (экономика знаний, экономика мотиваций), резкое превышение финансовой экономики над товарной; повышенная мобильность рабочей силы.

С периода «первых модернов» изменилось понимание толерантности. Вновь возникает множество прежних вопросов: о содержании понятия «права человека»; о том, кто гарантирует в постнационально-государственном мире права человека; кто обеспечит социальные гарантии при сужающемся рынке труда и неконтролируемой миграции, которые были задачей национальных государств; к каким катастрофам приведут религиозные войны, происходящие на фоне разрушения национальных государств.

По нашему мнению, сегодня в теоретической сфере культурной политики наступил период, к которому может быть применён новый термин — *пост-постмодернизм* — в английском варианте его толкования, в котором преодолена постмодернистская ирония, и он обозначает главным образом *обновление понимания задач*. Мы согласны, что термин этот следует считать временным. У этой новой характеристики есть несколько вариантов наименования («псевдомодернизм», «цифромодернизм» и «метамодернизм»), но, на наш взгляд, «пост-постмодернизм» более точно определяет суть произошедших мировоззренческих изменений, включающих в себя новую искренность и аутентичность, новый гуманизм, новый утопизм, сочетание интереса к прошлому с открытостью будущему, сослагательность.

В России, как считают историки, государство всегда являлось основой гражданского общества. И в Советском Союзе в культурной сфере жизни была исключительно государственная дистрибуция. После распада СССР заложенный в Конституции 1993 года концепт «многонационального народа» становится приоритетным. Б. Кагарлицкий пишет, что установка на ценности Просвещения остаётся неизменной основой нашей культурной политики, несмотря на то, что советское общество неоднократно и радикально менялось: политическая система ленинского революционного авторитаризма сменилась сталинским модернизационным тоталитаризмом, затем пришло время посттоталитарных моделей времён Хрущёва, Брежнева и «перестройка» [2]. Широкомасштабное начало «культурной революции» в советском обществе, по мнению политолога В. Куренного, связано с поворотом к нэпу. Это период культурной революции в СССР с 1921–1922 по 1939 год, когда цели нэпа были признаны достигнутыми. Спустя двадцать лет после распада советского государства отечественные учёные изучают и оценивают последствия советской культурной политики, социальную жизнеспособность институтов, сформировавшихся в тот период. В результате постперестроечное время показало, что после отказа от коммунистической идеологии, «безоговорочной победы» прозападной идеологии не произошло: попытки культурно-цивилизационного сближения России и Запада потерпели неудачу, все увереннее стал звучать голос тех, кто отстаивает идею самобытности и самодостаточности российской цивилизации.

Советское идеологическое образование было открытым и выделенным в самостоятельные дисциплины, ориентированные на матрицу марксизма-ленинизма. Когда в 90-е годы пошатнулось доверие к коммунизму, большинство людей стали склоняться к национализму, поскольку он опирался на привычную и ясную этническую идентичность, а не на политический, социальный или материальный статус.

В центре нашего анализа более широкая проблема — вопрос о теоретико-методологических основах культурной политики, когда предпринимаются попытки дискредитировать

толерантность – важнейшую духовную и моральную ценность, один из ключевых компонентов зрелой и эффективной государственной политики и общественных установок.

Неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ является феномен культурной сложности (или мультикультуральности). Культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т. е. культурную смерть человечества (С. 160). Ещё Н. Трубецкой выдвинул альтернативу европейскому универсализму, предложив проект «альянс народов». Он предупреждал, что, отрицая множественность культур, универсализм несёт смертельную угрозу всему человечеству. Евразийцы высказывали убеждение, что только Россия-Евразия способна стать главной опорой в противостоянии европейской стратегии отношения к миру. Время показало оправданность подобной точки зрения.

По мнению В. А. Тишкова, монокультурность никогда не была реальностью ни для одной страны. Существовали только доктрины монокультурности, которые позволяли не признавать так называемые *этнии*, (как во Франции). Мультикультурализм проявляется во всём. Как говорит автор, происходит размывание и перемешивание языковых ареалов, повсеместное усложнение языкового репертуара и распространение многоязычия. Эта позиция сопрягается с идеалами Европейской языковой хартии, которая ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групп носителей. Хартия не использует понятие «родного языка» и не привязывает жёстко язык к этнической принадлежности. В реальной жизни российского общества, также по причине широкого распространения смешанных браков, совместных поселений, множество людей совершают свободный переход с одного языка на другой, овладевают с детства и пользуются несколькими языками (С. 218).

Превращение культуры в один из ключевых факторов, влияющих на политический процесс, вынуждает политических деятелей и учёных искать оптимально конструктивное применение вышедшему в авангард социокультурному феномену. Речь идёт о проекте, позволяющем этнокультурную идентичность граждан сделать второстепенной по отношению к их (общегражданской) идентичности. Это особенно актуально для нашей страны, где в ментальном и языковом смысле этнические общности (народы или национальности) давно «национализированы». Как говорит В. А. Тишков, узурпировать эту самокатегоризацию исключительно в пользу общероссийского употребления бессмысленно (С. 158–159).

Сложившаяся ситуация потребовала разрешения в виде формирования мультикультурного гражданского общества. В частности, резолюция «Новая концепция эволюции государства демократического выбора», принятая 8 октября 2004 года, предлагала странам развивать «гражданский мультикультурализм, основанный на равенстве всех граждан и их равной лояльности по отношению к общему государству (гражданской нации) при уважительном отношении к различиям и межкультурному сосуществованию». Однако в этом ослаблялась коллективная идентичность: одно дело – проводить социальную политику, направленную просто на интеграцию иммигрантов в общество, совсем другое – способствовать интеграции различных культур в единое мультикультурное общество без ассимиляции.

То есть, можно с уверенностью утверждать, что процесс современного управления в сфере культуры большинством стран видится как мультикультуральный. В культурной политике нашего государства мультикультурализм имплицитно присутствовал всегда, как установка на гармонизацию отношений между многочисленными «нациями и народностями» (как было принято говорить в советский период). Эта линия, являющаяся надёжным фундаментом для укрепления многоэтничного российского народа, сохранена и в новых государственных документах.

Практика жизни многокультурных стран показывает, что неконструктивно опираться лишь на общие, универсальные принципы взаимной толерантности, они должны дополняться регионально-специфическими технологиями и методами влияния. Основа культурной политики должна быть системной, долгосрочной, основанной на определенных проверенных временем теоретических положениях, а не только на временных директивах, обращениях, призывах, не всегда носящих обязательный характер. Применительно к российской реальности это может означать деконструкцию стратегии советской «государственной национальной политики» с оценкой релевантности её прежних положений для применения в купе с принятой в 2012 году

«Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» и «Основами культурной политики», утверждёнными в 2014. В результате принятия Стратегии государственной национальной политики (2012 г.) не остаётся законодательного пространства для создания локальных идеологических доктрин отдельными субъектами федерации и необходимости их локального воплощения в социокультурных практиках, что исключает возникновение пластов населения с непересекающимися интересами, и на этой основе – опасности последующего расслоения общества. Эту нишу заполнила содержательная доктрина внутренней политики государства. В результате у нации сохраняется понимание и ощущение публичного пространства как общего. Впервые после распада СССР отчётливо обозначен вектор государственной внутренней политики – сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности; обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе; поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией.

В Стратегии обозначена система современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики. В числе основных приоритетов названы: полная деполитизация этничности, смещение акцента на культуру каждого народа в составе страны, сохранение коренных этносов и обеспечение единства народов России. Одним из основных пунктов новой Стратегии является укрепление гражданского единства общества. Разработчики документа предлагают, говоря о нации и государстве, подразумевать не национальное государство, а полиэтничную государственную цивилизацию. В новой Стратегии идея восстановления «связи времён», преемственности созидающих традиций нашего Отечества и гражданского примирения впервые после распада СССР получила правовое оформление. В российском научном дискурсе утверждается идея видения себя как части мирового культурологического процесса, его особой составляющей, которая нацелена на диалог и дискуссии с другими школами и направлениями. Нация не является монокультурной общностью людей, это полиэтничное, многоконфессиональное образование, основанное на принадлежности к суверенному, единому государству, к единому народу, который объединён одной страной, общей историей и общей культурой.

С этих новых позиции задачей культурной политики становится модернизация теоретико-методологического основания и практики культурной политики, которые отныне не связаны с необходимостью ориентации на «классовый подход» и идеологию, основанную на предположении о скором слиянии народов в единую «советскую нацию». У нас уже давно есть единая нация, в Стратегии дана её характеристика, – это российская нация, которая состоит из множества народов (этнических общностей).

Множество мнений созвучны друг другу в понимании взаимосвязанности человечества, у которого постепенно складывалась общая история и культура – тот фундамент, на котором строится нация. Глобализация мира делает эти параметры всеобщими, однако и локальная спецификация по-прежнему занимает важное место в различных конstellациях складывающейся культуры. Население Земли, можно сказать, складывается в мультикультурную цивилизационную нацию, которая не отменяет локальной идентификации по гражданской отнесённости.

Литература

1. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики: моногр. М., 2013. С. 120.
2. «Время, вперёд!» Культурная политика в СССР: сб. тр. М., 2013. С. 60. Здесь и далее произведение цитируется по этому источнику, в скобках указываются страницы.
3. Тёрнборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. № 1. С. 50–67.
4. Великая хартия вольностей // Петрушевский Д. М. Памятники истории Англии XI–XIII вв. М., 1936. С. 96–117.

References

1. Krizis mul'ticul'turalizma i problemy nacional'noj politiki [Crisis of multiculturalism and national policy issues]: monogr. M., 2013. S. 120.
2. «Vremya, vperyod! Cul'turnaya politika v SSSR» [«Time, forward!» Cultural policy in the USSR]: sb. tr. M., 2013. S. 60. Здесь и далее произведение цитируется по этому источнику, в скобках указываются страницы.
3. *Tyornborn G.* Mul'ticul'turnye obshchestva [Multicultural society] // Sociologicheskoe obozrenie. 2001. № 1. S. 50–67.
4. Velikaya hartiya vol'nostey [Great charter of Carta] // *Petrushevskiy D. M.* Pamyatniki istorii Anglii XI–XIII vv. M., 1936. S. 96–117.

УДК 008

И. И. ГОРЛОВА, О. И. БЫЧКОВА

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ГАРМОНИЗАЦИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ**

В статье рассматриваются региональные и национальные особенности этнокультурной политики Российской Федерации, нашедшие своё выражение в целевых программах развития культуры. В рамках подобных проектов реализуются мероприятия, направленные на сохранение и развитие этнокультурного потенциала народов Российской Федерации.

Ключевые слова: межэтнические отношения, региональные целевые программы, этнокультурная политика.

UDK 008

I. I. GORLOVA, O. I. BYCHKOVA

**CULTURAL MECHANISM FOR HARMONIZATION OF INTER-ETHNIC
RELATIONS IN A MULTI-ETHNIC REGION**

This article discusses regional and national characteristics, cultural policy in the Russian Federation, as reflected in the programs for cultural development. Within the framework of such projects implemented activities aimed at the preservation and development of the ethno-cultural potential of the peoples of the Russian Federation.

Key words: inter-ethnic relations, regional target programs, ethno-cultural policy.

Сегодня важнейшая роль культуры в укреплении единства и межэтнического согласия народов России, в сохранении и развитии культурно-нравственных ценностей признана государством. Одним из основных принципов современной культурной политики России является изучение национально-культурных традиций, разработка ценностных ориентаций всего комплекса явлений, которые можно объединить в понятие «культурное наследие».

Последние десятилетия в массовом сознании социума отмечены недоверием к институтам гражданского общества, снижением воспитательного воздействия культуры на формирование гражданского самосознания. Одновременно происходит резкое разделение мировой цивилизации по социокультурным, экономическим, этническим составляющим и связанное с этим разделением проявление религиозного экстремизма, приводящее к локальным войнам, вынужденной миграции, обострению межнациональной розни.

Проявление указанных факторов связано с отсутствием современных механизмов сотрудничества, с углублением процессов этнического самосознания и трансформацией ценностей многонационального общества. Поэтому очень важным шагом в преодолении указанных вызовов становится формирование нового вектора социокультурного развития, определённого в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, где впервые сформулированы основы национальной безопасности отечественной культуры [1].

В настоящее время информационное общество формирует новую модель культурного развития, которая характеризуется следующими особенностями:

– в социокультурном пространстве развиваются новые типы трансляторов культуры (Интернет, СМИ, субкультуры);